

Ранения сердца всегда неизлечимы

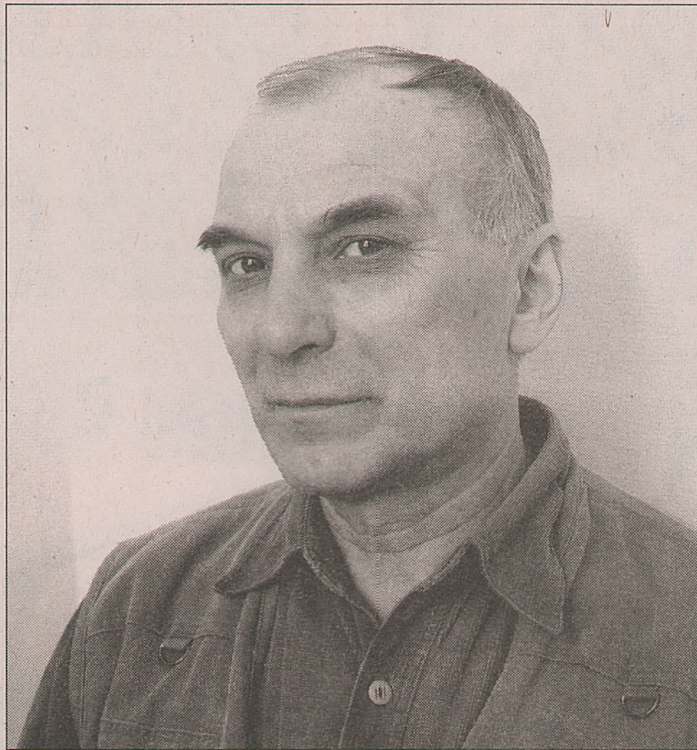
СЛОВО О ДРУГЕ

У меня на столе всё ещё лежит номер «Северного края» с горестной вестью о смерти Соленикова. Что-то в душе у меня от того дня осталось очень тяжёлое и горестное... Такое, что не проходит никак, не минует никак и, кажется, слов о себе и об ушедшем человеке требует.

Когда год назад пришла та газета и я открыл её, то в глаза мне ударили слова о смерти Андрея Павловича Соленикова. Как в душу ударили... Мне сразу словно воздуха не хватило, вздохнуть трудно стало... Что же за беда у нас такая, что очень хорошие, очень тревожащиеся о родной земле люди уходят так рано? Да, рано, истинному гражданину шестьдесят семь лет – это не предельный возраст для его трудов. Такие должны жить очень долго, их надобность родному краю – безусловна. И терять их – тяжело и горько.

Хоть и много нас, россиян, но отнюдь не так уж много тех, кто всерьёз тревожится о здоровье и жизни природы нашей и малых людских сообществ, и самой провинции – основы жизни российской. Мало... Не в этом ли и причина бесчисленных бед и неудач наших? Не в этом ли печальный исток нездоровья (или полного отсутствия) российского гражданского общества? Не в этом ли беда от нашей общественной негражданственности, разрывающейся на десятилетия и едва не на столетия?

Я столь же немолод, как и он (разница в год ничего не значит), и я не должен бы удивляться уходу таких людей, но я горестно удивляюсь. Удивляюсь, зная, что большая часть их сил и здоровья оказалась

растраченной, увы, даже не на созидание, а на преодоление общественного непонимания. На преодоление вполне честной, едва ли не детской людской неумудрости и близорукости. И негражданственности соотечественников.

На вечную войну с бессмертной «пятой колонной» безразличия к родной природе, родным традициям, родному национальному достоинству. Что делать, реальность, увы, такова. Но душу этим не успокоишь и боль от утрат не уймёшь.

И вот ведь как получается – с Андреем Павловичем мы и виделись-то нечасто, а общались больше по телефонам. Но между нами были отношения безусловного большого взаимопонимания, гражданской сочувственности и верного граж-

данского союзничества. Мы как-то умели издалека видеть друг друга через вёрсты и события и верно угадывать друг друга главные заботы и главные труды. Я так дорожил этим... Ведь таких обретений в жизни совсем и немного. И таких людей у сердца моего совсем невеликое количество.

Я вот так же верно и живо понимал замечательного друга нашего города, великого русского гуманиста Д. С. Лихачёва, и наша переписка была для меня радостным сомыслием. Я так же хорошо понимаю обозревателя «Трибуны» (а в прошлом «Культуры») И. Б. Медового. Мне так же понятны и гражданские интересы, и мысли академика В. Л. Глазычева. Есть и иные добрые случаи. Но невелик этот перечень, совсем

невелик. И вот в нём не стало Андрея Соленикова. Господи, печально-то как...

Сразу вспомнились наши беседы о национальных парках, об озёрах Ярославии, о Рыбинском водохранилище и Приморье. Так свежо и так больно... Вспомнились его отзывы о наших мышкинских книжных новинках. Он говорил так душевно, тепло... Вспомнился его гражданские тревоги о провинции и его живая радость от выходов к конкретным находкам по улучшению её дел. Всё было так существенно и жизнотворно! Всё было так радостно душе и делам... Ах, как нежданно и горестно поопустело на одной из страниц жизни моей...

Как же я не люблю глубоко неверное выражение, что незаменимых людей нет. Они все незаменимы, каждый по-своему, а люди гражданского склада незаменимы совершенно. А Андрей был гражданином. С очень русским сердцем, полным тревог за Отечество и сочувствия к нему. Ну, и как же можно долго жить, имея в самом своём сердце мир этой большой постоянной боли? Да никак нельзя. Хоть сердце и всеведуще, но оно отнюдь не всемогуще, его ранения всегда неизлечимы...

Что-то такая широкая грусть ко мне пришла... Такая широкая... И как-то хочется и вновь обратиться к нему и сказать слово доброе, и вновь перекликнуться через вёрсты и время. Только через «вёрсты» небытия уже не перекликаются... Вот только и могу год спустя написать с сочувствием и с запоздалым соболезнованием, и с пожеланием чаще встречать в жизни таких вот русских людей, как наш ушедший Андрей. А раньше сказать всё это – никак не мог.

Владимир ГРЕЧУХИН.
Мышкин.